

6+

Юлия Глухова

Что помню

Юлия Глухова

Что помню

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Глухова Ю. Г.

Что помню / Ю. Г. Глухова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Воспоминания - всё что осталось от чудесного детства - записаны мной точно и честно. Ведь если врут детские воспоминания, на что же тогда вообще можно положиться? И правда здесь не в исторической достоверности, не в точно указанном количестве пройденных километров или поднятых килограмм. Правда в том, что я не покривила душой против своих впечатлений, оставленных в сердце близкими людьми, их личными воспоминаниями и пересказанными семейными преданиями. Несмотря на то, что с рождения я - городской житель, фоном происходящего во всех моих рассказах выступает деревенская жизнь. Ничего удивительного. Всеобщее переселение из сёл в города началось как раз с наших родителей, а тоска по своей земле унимается не сразу, не изживается одним поколением...

Содержание

Родители	5
Обман	5
Банка	6
Так поступают отцы	8
Помощницы	10
Моё минувшее	11
Село Полётное	11
За хлебом	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Родители

Обман

Это неправда, что работа в колхозе была тяжёлая и бесплатная. Колхозникам платили. Платили как правило тем, чем в это время был колхоз богат. И тут в деревнях появлялись заготовительные конторы, выгодно для себя скупающие полученную колхозниками продукцию.

То ли от нечего делать, то ли от чистого сердца Генка вызвался помочь дяде Коле конвертировать несколько мешков картошки в вожделенные наличные деньги. Их, собственно, было трое: сам Генка, дядя Коля и его сын. Грузить, разгружать, подносить мешки на весы заготовителя – дело для деревенских не хитрое, обыкновенное. А хотелось Генке чего-нибудь эдакого, нескудного, о чём потом можно поговорить и вспомнить...

И вот, пользуясь тем, что на подручного мальчишку никто не обращал особого внимания, Генка стал незаметно придавливать ногой большие напольные весы. Приёмщик деловито записывал в тетрадь несколько преувеличенные Генкой килограммы. Всё шло как по маслу. До тех пор, пока приёмщик не обратил внимания на то, что тяжесть уже поставленного на весы и взвешенного мешка продолжает неуклонно увеличиваться, как будто какой-то обманщик, по неосторожности и неопытности, всё продолжает давить ножкой на уже взвешенный груз. Обман был раскрыт. Генка назван вором, схвачен под локоток и увлечён разгневанным приёмщиком к деревенскому милиционеру.

Что и говорить, этот путь от заготконторы до дома милиционера, на виду у всей деревни, в сопровождении огорчённого дяди Коли и возмущённого приёмщика был мало приятным... Плакать Генка не плакал. Да и отчаянья старался не показывать, потому что не принято это было среди деревенских пацанов. Но мысли о тюрьме, о родителях, об оскорблённом приёмщике, который, по всему виду, первый раз в своей деятельности столкнулся с циничным обманом, отравляли Генке всё существование.

К великой радости троих подельников (только в хорошем смысле этого слова, потому что за свой обман Генка отвечал целиком один), милиционера не оказалось дома и даже, как говорили, на тот момент не было в деревне. Генке было велено не попадаться впредь на глаза и ногой не ступать на территорию честного обмена между порядочными людьми и организациями.

А что же дядя Коля? Он улыбнулся, ласково потрепал парнишку по голове и заметил, что вовсе ни к чему было так крупно замахиваться! Ему, дяде Коле, достаточно бывает вытереть кепкой потный лоб, естественным движением снять грязные, тяжёлые рабочие рукавицы и артистичным, максимально правдивым жестом, мол «совсем выбился из сил», положить кепку с рукавицами на приготовленный к взвешиванию мешок!

С тех пор Генка сильно вырос. Сначала стал дядей Геной, потом – прокурором Геннадием Ивановичем, затем – дедом Геной. Он всё ещё вспоминает этот случай. И видно, что о чём-то жалеет: то ли о совершённом обмане, то ли о давно минувшем детстве...

(Правдиво записано со слов папы, Геннадия Глухова)

Банка

Любая Валькина затея всегда сулила развлечение: новое, захватывающее и опасное. Такие развлечения, как правило, не очень одобрялись взрослыми, не давали Танькиной совети поводов для гордости, но оставляли о себе долгую весёлую память...

В тот раз Валька позвала Таньку выпить у мальчишек берёзовый сок из банки, откуда хозяева отправились на Грязный Ручь... Конечно, это было воровством, за это можно было получить от старших мальчишек по шее, но, с другой стороны, это было отчаянным приключением. Отказаться от вылазки для Таньки было делом невозможным, потому что, во-первых, у неё уже азартно блестели глаза, участилось дыхание и чесались пятки, а во-вторых, следующий раз Валька может и не позвать или позвать кого-нибудь другого...

Обнаружив никем не охраняемую банку, воровато оглядываясь и возбужденно хихикая, подружки выдули её содержимое. Но Валька не была бы Валькой, остановившись и в этот раз на полпути, не использовав все возможности для веселья и проказ. А возможность была налицо – пустая банка из-под берёзового сока. Пустая банка, которая, согласно обстоятельствам, должна быть почти доверху наполнена светлой прозрачной жидкостью...

Пацаны бежали к заветной банке наперегонки. Пить хотелось всем, а напиться первым берёзовым соком – тем более! Быстрее всех оказался ХХ, несколько раз глотнувший из тяжёлой банки и удивленно скрививший губы:

– Странный вкус... солёный, как моча...

Поскольку больше никто не спешил, с обманом разобрались без труда – вон чужие следы на еще не сошедшем снегу, всё объясняющий цвет и запах «сока». Перебрав ближайшее окружение, припомнив, кто во что горазд, и кто на что способен, мальчишки огласили вслух имена подозреваемых и вынесли приговор.

Две недели, ловя на себе недоуменные взгляды домочадцев, просидела Танька дома, не показывая даже носа на улицу. О том, что они с Валькой раскрыты «по горячим следам» и доживают последние дни, она узнала от старшего брата. Страх и стыд, сменяя друг друга, днём и ночью владели Танькиной душой. А ещё, удивление – как можно было на ТАКОЕ согласиться-то! – мучило потрясённую содеянным Таньку.

Но жизнь, богатая на события, взяла своё. Прошрое приключение вскоре потеснили более свежие происшествия (не одной Вальке в деревне приходили на ум весёленькие идеи), мальчишки были отходчивыми, девчонки оказались вновь предоставлены сами себе.

Вспоминая этот случай, Танька, как и в детстве, всегда путалась в своём впечатлении и эмоциональных оценках случившегося. Вроде, не сделали ничего хорошего, дураку понятно, но – сколько лихой поступок породил веселья, как раскрасил собой воспоминания о той далёкой весне!

Слушанные-переслушанные рассказы про мамино детство – это, в основном, рассказы про некую Вальку, выдумщицу, хулиганку и нахалку, которая постоянно вовлекала маленькую и доверчивую маму в разного рода сомнительные истории. Последствия веселья, как правило, оказывались для Тани неожиданно-неприятными. Но порвать дружбу с фееричной Валькой было немыслимо – это значило навеки заключить себя в скучную октябрятско-пионерскую среду, забыв о приключениях и настоящем веселье.

Поскольку именно мама обыкновенно расплачивалась за весело проведённое время, я с детства заочно ненавидела хитрую и удачливую Вальку. Не теряя надежды, что рано или поздно достанется и ей, я терпеливо выслушивала повествования о маминых злключениях. Но сама

мама никогда не вспоминала старшую подругу с обидой или озлоблением и очень удивилась, однажды узнав о моём к Вальке отношении. Мама принимала Вальку, как саму жизнь – мотай на ус, не развешивай уши, не распускай нюни – на жизнь обижаться глупо и бесполезно.

Зато сколько важных уроков усвоила маленькая Таня благодаря Вальке! Как закалила характер, какой приобрела опыт! Чего стоили бы все её образования без умения материться и петь блатные песни, жестоко задирать всех, от мала до велика (от шершней до уважаемых в селе персон), стойко сносить завистливые, злобные выпады против себя. Таких навыков ни в кружке Дома Пионеров, ни на курсах в районном центре не получишь. Тут уж как повезёт – встретить или нет каждому свою Вальку!

(Правдиво записано со слов мамы, Татьяны Глуховой)

Так поступают отцы

Некоторые поступки отцов в женском, материнском сердце вызывают возмущённый протест либо печальное недоумение. Даже если это, в целом, любящие и ответственные отцы.

Отец любил ходить в лес. Не всегда по делу, не всегда за добычей. Просто посмотреть, как зацветает сирень или липа. Полюбоваться на смену времён года. Пройтись, подышать, замечая новое, радуясь возможности свободного движения.

Однажды зимой маленькая Танька увязалась за отцом и долго сопровождала его в очередной прогулке. Но вдруг, будто опомнившись, отец строго сказал: «Хватит. Замерзнешь. Возвращайся домой». Сказал и быстро, не оборачиваясь, зашагал вперёд. Опешившая было Танька решила, что до дома уже слишком далеко и лучше, если она снова нагонит отца и всё же пойдёт с ним вместе. Но догнать отца она не смогла: бежала вслепую, звала, плакала. Отец уходил всё дальше, так ни разу и не обернувшись. Может, не слышал отчаянных детских криков? Был уверен, что дочь послушалась и сразу отправилась домой? Или думал, что поплачет-поплачет и отстанет?

На счастье, до того как окончательно обессилеть и замерзнуть, ей встретились сани с мужиком из нашей деревни. Изрядно удивившись встрече, узнав чья она, мужик закутал девочку и отвёз домой.

Однажды на пасеке дед Панкрат угощал бражкой отца и, видимо шутя, предложил попробовать и Таньке. Не чувствуя никакого противодействия со стороны захмелевшего отца, Танька не стала отказываться. Она знала, что пить плохо и даже стыдно. Однако, очевидное одобрение взрослых сметало все границы дозволенного и давно усвоенные запреты. Старший брат пытался остановить её: «Дура! Не пей! Опьянеешь...» Она не обращала на предостережения внимания, да и много-ли надо полуголодной маленькой девочке?!

Выйдя встречать мужа с детьми, мама увидела, что отец несёт Таньку на руках, и та – почти в бессознательном состоянии. У ребёнка раскалывалась от боли голова, её страшно тошнило и изматывало непрекращающимися спазмами рвоты. «Отравил ребёнка», – сказала мама. Заплакала и пошла доить корову.

Двое суток мучилась Танька страшным похмельем. Так плохо ей в жизни никогда ещё не было. На всю жизнь запомнила она отравление алкоголем и зареклась на будущее повторять этот печальный опыт.

На пасеку за мёдом повадился ходить медведь. Мужики по ночам караулили зверя и, наконец, ранили его. Зная, что раненый медведь опаснее здорового, может выставить любую дверь, сломать любой замок, отец решил отослать Таньку домой. Он проводил её до поворота лесной дороги, показал огромные следы: «Видишь, где медведь дорогу перешёл!» и подтолкнул в спину: «Беги! Не тронет. Сейчас медведи сытые. Голубики много».

Больше пяти километров неслась перепуганная Танька по лесу, по болоту, по гривам... Каждый горелый пенёк на болоте представлялся ей медведем, и только очевидная недвижимость

пня успокаивала и давала силы справиться с ужасом. Когда же вдали показалась родная липа на речном берегу, Танька всем своим трепещущим сердцем почувствовала, что она – дома, что опасность отступила...

На следующий день отец принёс домой огромную медвежью лапу. Мама, боясь напрямую высказывать вспыльчивому отцу своё возмущение за брошенную в лесу дочь, только приговаривала: «Такую тяжесть тащил! Для чего?! Лучше бы мяса принёс, я бы котлет наделала...».

За мясом ходили позже. Огромный медведь, который был несколько раз смертельно ранен охотниками, всё же дошёл до ручья и лежал у воды, даже мертвый пугая людей своей мощью и гигантскими размерами...

Помощницы

Очень непоседливого поросёнка, который всё норовил перейти границу и травить соседские урожаи, теперь держали взаперти. И поскольку эта вынужденная мера лишала хулигана привычного разнообразия в питании, Ольге и Саньке было предложено нарвать ему свежей травки. Прихватив оцинкованный таз, девчонки отправились в огород. Сначала дружно вместе рвали траву. Потом младшая Санька переключилась на шмеликов. Шмелики были пушистые, полосатенькие, славные. Санька аккуратно за крылышки складывала милых шмеликов в подол платья, совсем забыв о связанной с этим опасности. Наконец, один из придавленных шмеликов укусил в живот маленькую любительницу природы.

И вот мама уже наблюдает ревуших помощниц, скоренько возвращающихся с огорода. Санька голосит от боли в животе и обиды в душе. Старшая Ольга ревет от того, что ей одной приходится тащить тяжеленный таз с травой для шкодливого поросёнка.

На речку за раками Ольгу и Саньку повела их родная тётка Ира, совсем немногим старше сестрёнок-погодок. Ира присматривала за девочками, пока мама работала. А присматривать на речке было гораздо увлекательней, чем на своём наскучившем дворе.

Опомнились девчонки уже к вечеру, набродившись по холодной воде и промочив подолы.

Мама возвращалась в сумерках с работы и с тревогой вслушивалась в отчаянные завывания дочерей, которые тоже плелись к дому, промокшие, уставшие и сильно замёрзшие. Ирка, стиснув зубы, пёрла полное ведро раков. Убедившись, что все целы, и никто не потонул в реке, мама пригрозила Ирке, что выпорот, если девчонки заболеют. Девчонки не заболели. Мама до этого никогда никого не порола. И в этот раз не случилось...

Ирке показалось, что в огуречнике – змея. Если бы поблизости не было битого кирпича и благодарных зрителей в лице Ольги и Саньки, может в том году и случился бы у мамы хоть какой-то урожай огурцов... А так, ни змей, ни огурцов в этом году больше не видели...

Моё минувшее

Село Полётное

Граница наших владений по моим ощущениям пролегла ровно там, где дорожная пыль сменялась травой. Не знаю научных названий разнотравья, но все эти былинки, метёлочки, листочки и цветочки, вместе с запахами, шелестом и прохладой на ногах – память надёжно хранит. А память моя, надо признаться, хранит немногое, недолго и неохотно. Так что, если что-то сохранила с детства, значит зачем-то ей это очень нужно...

Свернули с дороги и по травке (под ногами – подорожник; гусиные лапки; пахучая и обычная, с лепестками, ромашка; клевер: и мелкий белый, и крупный красный, и розовый...) до калитки – два десятка шагов. Перед домом стоят две высокие ели, посаженные ещё маленькой мамой, и они издали отличают наш дом от всех других домов улицы. Под елями свежо и прохладно, держится особенный лесной запах и обманчивое ожидание грибов... Бабушка не любит, когда дети играют под елями – там сыро, сквозняк и старые доски с гвоздями. А для нас там прекрасно – не жарко, темно и старые доски с гвоздями! Там мы строили «фанзу», прятались и, скрытые от посторонних глаз, громко пели не прошедшие бабушкину цензуру легкомысленные песни. Там мы с дедушкой перепилили на самодельных козлах кучу деревянного хлама, до мозолей на обеих руках и ноющей боли во всём трудолюбивом теле.

Под елями, у штакетника, рядом со стареньким почтовым ящиком, стоит вытертая нашими попами скамеечка. И штакетник, и фанерный ящичек, и скамейка – одного цвета, цвета потемневшего от времени серовато-седого дерева. На этой скамеечке я провела многие минуты ожидания кого-то, кто вот-вот появится вдалеке из-за поворота, свернёт на нашу улицу и скрасит наконец не скучную, но всё же очень однообразную деревенскую жизнь. Как правило, это были долгожданные гости из города, яркие, нарядные и возбуждённые, с причёсками и маникюрами, подарками, новостями и чрезмерно-оптимистичными планами на выходные.

Сразу от калитки, вдоль дома, деревянная дорожка к крыльцу. Слева от дорожки – бабушкины астры, справа – зелёная полянка перед летней кухней. Крыльцо. На нём, кажется, больше сидели, чем ходили в дом и из дома. Семейное фотографирование, вечерние беседы, небольшие стирки, сушка овощей перед отправкой в город, выгул и воспитание самых маленьких – всё происходило на его чистых тёплых досках, рядом, перед и у крыльца. От крыльца же расходятся деревянные дорожки, ведущие по разным хозяйственным надобностям: к многочисленным грядкам, к скотине в хлев и свинарник, в огород, в сад к пчёлам, к туалету (предмет бесконечных дедушкиных шуток и подтруниваний – кто туда ходил, что делал, какой счастливый вышел...).

Приехав, я первым делом шла оглядывать владения. После города, где собственное – только в твоём кармане, меня восхищало обстоятельство, что здесь мне принадлежат земля, деревья, полезные и бесполезные насаждения, животные (коровы, свиньи, куры, кролики и пчёлы), и даже небо над нашим участком! Всё было моим: личинки комаров в ржавых бочках, пирамиды старых ульев с дохлыми пчёлами на летках, действующая пасека, клубничный угол в саду, стена гороха (выше моей головы), пахучий помидорный лес, картофельное поле и многое-многое другое, необходимое мне, вплоть до последнего ржавого гвоздя. Я воображала себя помещицей, владелицей, богачкой. И, действительно, чувствовала себя невообразимо и незаслуженно богатой до последнего дня летнего отпуска...

Обозрев территорию, прикинув масштаб обещаемых жизнью удовольствий, можно заглянуть в дом. Дом начинался с сени, где у окна курил, читал и, по настроению, балагурил дед. Здесь я научилась определять расстояние до гремящей вдали грозы, заворачивать портянки,

распознавать тонкую иронию и искусный обман в словах взрослых, ценить чтение как удовольствие, а общение – как наслаждение. Здесь я осознала и свою собственную ценность, а точнее – бесценность для бабушки и дедушки.

В сенях стояла газовая плита. Сложность и ответственность её эксплуатации приподняли меня в собственных глазах до уровня космонавта или нейрохирурга. Бабушка доверяла мне и, снабдив подробными инструкциями к приготовлению борща, удалялась в огород. А поскольку сомнения одолевали меня беспрестанно, то её работа в огороде поминутно прерывалась, не успевая толком начаться... Но бабушка была мудра, терпелива и доброжелательна – никаких сомнений в том, что борщ сварен мной и только мной, ни у кого из членов семьи за обедом не возникало, включая меня саму... При готовке архиважно было всё: как следует доварить мясо, вымыть, почистить и измельчить овощи, вовремя их запустить в кипящий бульон, не обвариться паром, не пересолить, правильно выключить печку, завернуть вентиль, не изхвататься раньше времени и не отвлекать бабушку вопросами больше двадцати раз в час. Но самое главное – это научиться чистить картошку! Чистить так, чтобы в очистки не перевести зарплату несчастных родителей, когда я вернусь домой и приступлю там к ведению хозяйства.

За сенями следовала кухня, за кухней – спальня. А под окнами спальни – ели, вот и весь бабушкин домик! Жилище наше было устроено очень просто: имелось всё необходимое, излишества не одобрялись. Чисто, светло, прохладно. Кружевные подзоры у кроватей, вышитые анютины глазки на этажерке. Палас появился только тогда, когда в семье завелись маленькие внуки и правнуки – для тепла. В их отсутствие «пылесборник» сворачивался и убирался прочь. Деревянный пол и потолок поражали моё воображение шириной использованных досок: с трудом верилось, что где-то существуют деревья такой величины! Иногда я вызывалась мыть полы. Бабушка пробовала отговорить, не хотела разводить в доме сырость. Я настаивала, старательно возила вдоль половиц еле-еле отжатой тяжелой тряпкой, тайно гордилась подвигом... Но когда дед, по своему обыкновению, заходил в дом в сапогах, не разуваясь, в детской душе рождались робкие подозрения: а такой-ли он на самом деле хороший человек?..

На кухне постоянно перекусывал кто-нибудь из внуков. Мёд-хлеб-молоко. Какао-хлеб-колбаса. Чай-сухарь-варенье. И книга. Из тех, что берет для себя дед в библиотеке, или привозит из города молодая тётка. И – на кровать, в холодильник. Но книжные миры не заслоняли действительности: помощь в огороде, по желанию и в удовольствие; река и лес; друзья и кино – всё это неустанно вращалось, как в бабушкиной центрифуге, выкачивающей тягучий мёд из тяжёлых рамок.

На кухне была дровяная печь. Летом её почти не топили из-за жары, а зимой – из опасения, что в подполе проснутся пчёлы. Я слышала истории, как на печи бабушка лечила простуженных... Но всё это было в какой-то другой, далёкой от меня жизни, и истории проходили мимо ушей. Слишком много историй, которые мне хотелось бы вспомнить сейчас, прошли мимо моих беспечных ушей, оставив лишь непередаваемый словами эмоциональный след...

Тёмный сырой кухонный буфет. Из его содержимого запомнилась лишь коробочка кофейного напитка на основе цикория и ещё каких-то необыкновенно полезных злаков. Запомнилась потому, что бабушка очень уважительно отзывалась об этом «кофе», отдавая ему явное предпочтение перед кофе настоящим. И ещё, на нижней полке располагалась батарея маленьких баночек, наполненных белоснежной пеной от липового мёда. Это было и осталось для меня непревзойденным лакомством, особенно, в сочетании со свежим хлебом и прохладным молоком.

В углу у окна стояла хрупкая этажерка. Каждая полочка украшена ручной работы салфетками. Качество глади, которой были вышиты анютины глазки, заставляло внуков восхищенно-недоверчиво поглядывать на снующую туда-сюда по хозяйству бабушку. На верхней полке хранился архив рисунков, оставленных нам старшим поколением. Хорошо рисовали многие, начиная от самого деда, которому особенно удавались худые клячи и сопливые черти.

Но львиную долю «художеств» составляли портреты, нарисованные моей тётёй. Они неизменно поражали меня: не верилось, что такая точность и техника доступны школьнице, нигде и ни у кого рисовать не учившейся. Многие портреты были нарисованы по «клеточкам», проступавшим сквозь карандашные линии. Но мои попытки воспользоваться этим методом к успеху не приводили. Зато, как следует вдохновившись, я полюбила рисовать и срисовывать сама. Тем более, что кроме книг и карт, дома заняться было нечем.

Недавно появившийся в деревне телевизор показывал две доступные программы с такими помехами, что употребление здесь глагола «показывал» не очень оправданно. Помню, как хотелось нам посмотреть сериал «Гостя из будущего»! Мы отмечали у деда в газете время «трансляции», в спальне перед телевизором задолго расставляли холодные крашенные табуретки, отказывались от прогулок и без конца осведомлялись друг у друга «который час»... Начинался фильм. Впрочем, не всегда удавалось сразу определить, что фильм уже идёт... Попеременно пропадали то звук, то картинка... Мы, вынужденные сами допридумывать пропущенные по техническим причинам отрывки, сначала раздражались, а потом и вовсе теряли интерес к просмотру.

Зато радио работало бесперебойно. Бабушка, у которой от напряжения всегда болели глаза, а потом – голова, уважала радио так же сильно, как кофейный напиток из цикория. И может быть, если бы на нас не оказывалось такого авторитетного давления, или если бы мы не были столь упрямы и независимы, радио вполне могло бы заменить нам телевизор. Но, как говаривала бабушка: «если бы, да «бы» мешает!»

На комод, за телевизором стояла единственная в доме реликвия – фарфоровая кукла Катя, доставшаяся бабушке от мамы. А той кукла была подарена в господском доме, где она когда-то работала. Это была не совсем кукла или не просто кукла, это был предмет мещанского интерьера – подставка под разные женские мелочи в виде колодца и женщины с кувшином рядом. Поскольку кроме Кати ничего интересного в доме не было, все поколения малышей переворачивались, ползали, и делали свои первые шаги к этой самой кукле. Её рассматривали, рисовали, гладили, переставляли... Наверное, это был единственный материальный объект, к которому бабушка относилась трепетно, но я не припомню категоричного запрета трогать Катю и играть с нею. Бабушка просто напоминала нам об осторожности. Так что удивительно, но и по сей день, Катя может пожаловаться только на три изъяна: отбитое горлышко у кувшина; отколотый край колодца, на котором изображён конник с мечом; и небольшая царапина на носу. Не так уж и много, учитывая, что эти изъяны знакомы мне с раннего детства, а малышей с тех пор Катя повидала ещё немало...

Что ещё? Описывая бабушкин дом, с опозданием понимаешь, что перебирать стоило вовсе не скучную обстановку, мало говорящую чужому о доме, в широком понимании этого слова, а его обитателей: постоянных, более-менее постоянных и наезжающих от случая к случаю. От того, что дед заходил в дом в сапогах, а бабушка не заводила ковров и хрусталя, наша большая семья не чувствовала себя ущемленной. А вот от того, что бабушка и дед не жалели душевных сил и времени на внуков, племянников и правнуков, всегда радушно принимали жильцов в любом количестве и на любой срок, даже самые маленькие чувствовали: мы родные, нас много и так будет всегда.

Для чего я пишу это? Не для того, чтобы никогда не забыть. Если забуду – это буду уже не я, а наверное что-то похожее на старый комод или сырой буфет. И не для того, чтобы рассказать тем, кто не видел бабушкиного дома: не такая уж я знатная рассказчица, чтобы претендовать на историческую достоверность или возбуждение жаркого интереса. Я пишу по одной причине – мне этого очень хочется.

За хлебом

Хабаровский край. Большое село, а для приехавшей на летние каникулы девочки – бабушкина деревня. Теперь кажется, что каждый день лета был ясно-солнечным и очень жарким. Про комаров и остальной гнус помню как-то не самостоятельно, а больше из разговоров взрослых. Видимо, в детстве комары воспринимались как неотъемлемая часть каникул, как естественная особенность климата, как ещё одно приключение, которое необходимо претерпеть и потом рассказывать о нём впечатлительным слушателям...

Но сейчас – о том, как бабушка посылала в магазин за хлебом. Сразу избавимся от стереотипов. Во-первых, что значит «посылала»? Баба Тоня никогда не повелевала нами как большинство взрослых вокруг. Она обращалась с просьбой, объясняла, почему не может пойти сама – устала, занята по хозяйству, и, если несознательный ребёнок явно уваливал от утомительного похода, собиралась и тут же отправлялась сама. При этом никакого дополнительного воздействия на мою совесть не оказывалось: ни нарочитых демонстраций, ни укоризненных вздохов и напоминаний. Просто внуки знали, если не пойдём мы, бабушка ходит сама. И этого, как правило, для нашей мотивации было достаточно.

Во-вторых, сходить в сельский магазин – это совсем не то, что сгонять в магазин в городе, где ближайший продуктовый, скорее всего, за углом. Единственный продуктовый магазин располагался в центре села, на площади, по соседству с почтой, кинотеатром, больницей и административными зданиями непонятного тогда мне назначения. А мы жили на окраине у реки, и я просто ушам своим не верила, когда мама говорила, что большинство жителей села не ходят каждый день в лес и почти не купаются в реке... Наша улица, протянувшаяся от главной, асфальтированной дороги до самой речки, казалась мне просто грандиозной – как в длину, так и в ширину. С длиной сейчас всё понятно – любой прямой отрезок пути для маленьких ножек, да ещё с младшей сестрёнкой за ручку, покажется внушительным. А вот ширина, это – да, это вам не городская улица. Сама дорога, отсыпанная чем-то мелко-колючим и пыльным, плюс щедро отмерянные расстояния от дороги до огороженных участков, где-то заросшие бурьяном и заваленные всяким хламом, заставленные лодками, сельскохозяйственной техникой и обычно-привычными машинами, где-то тщательно выкошенные и убранные аккуратными хозяевами, – это была не улица, а целый мир, калейдоскоп из знакомых уже фамилий соседей, их историй, чьих-то, а не просто азбучных собак, кошек, кур, коров и телят. Каждый дом и двор говорил о своих хозяевах: о достатке, об отношении к труду, семейственности, благорасположенности или, наоборот, отчужденности от соседей. Проходя мимо чьего-то дома, я невольно «дописывала» его историю, припоминая подслушанное у старших или когда-то самостоятельно замеченное за хозяевами, вглядываясь в лица, сравнивая чужое обустройство жизни. Было любопытно: как живут другие, также как и мы или как-то по-другому?казалось, что по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.